

Изъ дальнихъ лѣтъ¹⁾.

(Пересказъ воспоминаній моихъ тетушекъ).

ГЛАВА II.

Пожаръ дворцовой церкви въ Царскомъ, гдѣ стояло тѣло Императора Александра I. — Княгиня Ловичъ похоронена въ католической церкви Царскаго Села. — Прогулки по Царскому Императора Николая. — Извѣстіе о его кончинѣ. — Николай I сажаетъ Брюлова на гауптвахту за то, что онъ изобразилъ Клейнмихеля въ ликѣ Господа Саваофа въ куполѣ Исаакіевскаго собора. — Императоръ Николай I приказываетъ взять домъ Гарновскаго въ казну. — Выступленіе кадетъ въ Петергофскій лагерь. — Порядки въ лагерѣ. — Кадеты въ Александріи. — Бѣгъ на Золотой горкѣ. — Сынъ Громова обгоняетъ Императора на рысакѣ. — Дѣйст. стат. совѣтница не генеральша. — Императоръ Александръ II въ Царскомъ. — Порядки жизни въ Царскомъ лѣтомъ. — Красивая голландка приготовляетъ нищу на улицахъ Петербурга. — Ея продѣлка. — Захаржевскій въ Царскомъ.

При отъѣздѣ въ Таганрогъ Императоръ Александръ I, взявъ за руку дѣда въ присутствіи многихъ, обратился къ кн. Голицыну и сказалъ: „прошу не забывать Петра Васильевича и его семейство и заботиться о его нуждахъ“; тутъ дѣдъ сталъ проситься въ отставку, но Государь сказалъ: „если тебѣ служба въ тягость, не по силамъ, то будетъ исполнять твой помощникъ, мнѣ дорогъ твой надзоръ, совѣты и указанія“, при этомъ обнялъ и поцѣловалъ.

Въ одинъ изъ дней декабря 1825 г. все семейство дѣдушки было перепугано скачкою войскъ, одѣвавшихся на ѣздѣ; всѣ войска, бывшія въ Царскомъ Селѣ, были выставлены на Средней рогаткѣ. Это было 14 число; рассказовъ о бунтѣ у Сената я слышалъ много и кое-что запомнилъ, но это все уже описано довольно подробно помимо меня; но по рассказамъ тетушекъ, кончина Императора Александра I была горемъ об-

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

щимъ, любовь была безкорыстна; до самой смерти 1862 г. тетушка Настасья Петровна всегда рассказывала о кончинѣ Александра I со слезами на глазахъ; я видѣлъ множество переписанныхъ стиховъ, надписей въ альбомахъ, все это превозносило доброту и геній Царя, всюду писалось „нашъ ангелъ на небеси“.

Въ Царское Село былъ перенесенъ гробъ съ прахомъ Царя. Сопровождали его изъ Таганрога казаки, и поставленъ онъ былъ въ Дворцовой Церкви Воскресенія Христова. Церковь вся была задрапирована чернымъ флеромъ; панихиды служились по два раза въ день. Передъ служеніемъ панихиды, въ одинъ изъ дней, отъ одной изъ лампъ, освѣщавшихъ церковь, загорѣлся флеръ. Легкость матеріи дала возможность быстрому распространенію пламени. Стали выносить гробъ, но гробъ былъ очень тяжелъ—свинцовый: онъ вкатывался обыкновенно на валькахъ умѣлыми казаками. Въ это время казаки куда-то отлучились, несмотря на это гробъ успѣли вытащить въ сосѣдній залъ. Пожаръ прислуга потушила.

Явилось подозрѣніе, что это былъ злой умыселъ, сжечь прахъ Царя, но какъ тетушка, такъ и многіе очевидцы утверждали, что это дѣло невольнаго случая, торопливости лакея, такъ какъ и самый лакей былъ имъ извѣстенъ, и заподозрить его было нельзя. Сколько времени находился гробъ съ Царемъ въ Царскомъ Селѣ, я не знаю, но по смыслу разговоровъ предполагаю, что онъ простоялъ гораздо болѣе мѣсяца, послѣ чего и былъ перевезенъ для погребенія въ Петербургъ.

Все, что касалось Двора, даже въ давно прошедшемъ, говорилось шепотомъ, съ оглядкой. Газета читалась „Сѣверная Пчела“. О похороненной въ католической церкви въ Царскомъ Селѣ морганатической супругѣ Великаго Князя Константина Павловича княгинѣ Ловичъ переставали говорить при входѣ прислуги, если разговоръ велся о ней.

Императора Николая Павловича я живо помню. Гуляя съ тетушкой, мы постоянно его встрѣчали идущаго по направленію отъ Александровскаго къ Большому Дворцу черезъ Лицейскій садъ. Помню также похороны Десятирева, схороненнаго у ограды церкви Знаменія въ Лицейскомъ саду, гдѣ мы стояли въ разстояніи шаговъ десяти отъ Государя. Это вѣроятно было въ 1853 году. Десятиревъ похороненъ тутъ по желанію Государя, бывшаго на похоронахъ. Онъ былъ смотритель пансіонной конюшни, а прежде служилъ въ какомъ-то полку. Въ одномъ изъ сраженій, когда Николай I былъ еще

Великимъ Княземъ, загородилъ собою Великаго Князя и принялъ на себя сабельный ударъ, почему и былъ раненъ. Встречалъ я также Императора, шедшаго съ дамой; впоследствии я узналъ, что это была Нелидова.

Въ 1855 году, будучи уже въ кадетскомъ корпусѣ, я, находясь въ отпуску на масляницѣ, захворалъ корью, о чемъ сообщили въ корпусъ. Изъ корпуса пришло извѣщеніе, чтобы я не являлся ранѣе шести недѣль. Кажется, это было на второй недѣлѣ великаго поста. Кухарка наша Прасковья (бывшая кормилицей моего отца) ходила въ лавки за покупками. Возвратясь, она пришла къ тетускѣ, гдѣ и я былъ, и говоритъ: „Миколай померъ“. Тетуска, предполагая, что Миколай это хозяинъ мясной лавки, гдѣ забирали провизію, очень сожалѣла. Не прошло часу, какъ вошла Надежда Николаевна Иванова, бывшая фрейлина Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и со слезами стала говорить о смерти, не упоминая, кто умеръ. Тетуска со своей стороны стала высчитывать многочисленность семейства мясника, но Надежда Николаевна, понявъ, что это недоразумѣніе, сказала: „про какого мясника толкуете, когда умеръ Императоръ“. Тутъ обѣ тетуски и двѣ горничныя онемѣли, и начались слезы; начали искать сообщеніе во вчерашнемъ номерѣ „Сѣверной Пчелы“, принесенной Надеждѣ Николаевнѣ, но о болѣзни Императора ничего не нашли. Въ то время газеты въ Царскомъ получались на другой день, но всѣ свѣдѣнія между публикой извѣстны были въ тотъ же день. На другой день Надежда Николаевна принесла „Сѣверную Пчелу“ и отдѣльные листочки. Это были бюллетени о болѣзни Императора, а въ газетѣ говорилось о восшествіи на престолъ Александра II, о его выходѣ и принятіи поздравленія. Тутъ же тетуска стала уговариваться съ Надеждой Николаевной, чтобы ѣхать въ Петербургъ въ крѣпость проститься съ Императоромъ. Составили письмо къ управляющему городомъ Захаржевскому съ просьбой прислать имъ билетъ для входа въ церковь крѣпости, но получили его чрезъ нѣсколько дней. Побывавъ въ крѣпости, тетуска съ Надеждой Николаевной рассказывали всѣ подробности, между которыми говорили, что лицо Императора какъ будто покрыто маской. На Пасхѣ, во время заутрени въ Дворцовой церкви, мы увидѣли первый разъ новую форму. Въмѣсто коротенькихъ мундировъ съ фалдочками, въ родѣ нынѣшнихъ фраковъ, казакины, т.-е. такіе, какъ нынче у казаковъ, но гораздо короче. Я же былъ въ старой формѣ, т.-е. въ мундирѣ, съ тесакомъ сзади на широ-

кой бѣлой толстой португезъ и съ каской съ чернымъ султаномъ въ рукѣ.

Императоръ Николай I имѣлъ обыкновеніе приходитъ осматривать работы строящагося Исакіевскаго Собора. Въ одно изъ своихъ посѣщеній, увидавъ, что Брюловъ работаетъ въ верху, взобрался туда. Въ это время Брюловъ заканчивалъ писать Бога Саваоа, который обыкновенно пишется голова въ треугольникѣ. Въ то время всѣ генералы носили треуголки. Всмотриваясь Государь вскрикнулъ. — „Кого это ты написалъ?“ — Бога Саваоа—согласно плана—отвѣтилъ Брюловъ. „Да это просто портретъ Клейнмихеля.—Посадить его на гауптвахту“. Брюловъ высидѣлъ сутки на Сенатской гауптвактѣ. Проѣзжая какъ-то черезъ Измайловскій мостъ, Императоръ увидалъ выстроенный громаднѣйшій домъ. Приѣхавъ домой, спросилъ—чей это домъ? Говорятъ Гарновскаго.—Кто это Гарновскій? Отвѣчаютъ архитекторъ. Узнать, какія постройки онъ производилъ, богатъ ли самъ, или можетъ быть женатъ на богатой.—По справкамъ оказалось, что Гарновскій, ранѣе чѣмъ строить казенныя зданія, былъ человекъ бѣдный, жена его тоже ничего не имѣла.—Ну, видимо, этотъ домъ выстроенъ на счетъ казенныхъ построекъ, сказалъ Государь; такъ взять его въ казну подъ казармы. Живя въ Царскомъ Селѣ, Императоръ Николай I любилъ гулять по направленію къ Баболову. Въ это время обыкновенно проходили чухны по этому же направленію, неся молоко въ Царское. Гуляя по этому направленію, онъ встрѣтилъ пожилого чухонца и попросилъ у него молока. Это было вблизи сторожевой будки, и сторожъ подалъ стаканъ. Императоръ выпилъ молоко и спросилъ чухонца, изъ какой онъ деревни. Потомъ сталъ спрашивать, какъ называется по-чухонски то и то, посадилъ чухонца рядомъ съ собой и сказалъ, что онъ будетъ приходитъ ежедневно учиться у него по-чухонски, что аккуратно выполнялъ въ это лѣто, приходя на то мѣсто, гдѣ встрѣтился въ первый разъ, гдѣ постоянно ждалъ его этотъ чухонецъ.

Во время царствованія Императора Николая I въ Петергофѣ желѣзной дороги еще не было, и обыкновенно всѣ кадетскіе корпуса въ лагерь шли пѣшкомъ; для чего въ извѣстный день всѣ корпуса собирались на Царицынъ лугъ, гдѣ производился смотръ всѣмъ ученьямъ, и тутъ же Государь поздравлялъ съ производствомъ въ офицеры вышущенныхъ; оставшіеся всѣ направлялись въ лагерь, этотъ отрядъ всѣхъ корпусовъ, а ихъ было не мало: Пажескій корпусъ, школа

Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, (нынѣ кавалерійское училище, но тогда вмѣстѣ съ нимъ было и пѣхотное, откуда выпускали въ гвардію) 1-й, 2-й корпусъ, Павловскій корпусъ, Дворянскій полкъ два батальона, корпусъ Путей сообщенія, Горный корпусъ, Лѣсной корпусъ, Инженерный корпусъ, Артиллерійское училище; все это шло по Петергофскому шоссе, кавалерійская школа верхомъ на лошадяхъ, артиллерійское училище при орудіяхъ, а остальные пѣшкомъ; дойдя до Краснаго кабачка, полагался ночлегъ. Тутъ намъ давали сбитень, булку съ котлеткой, была на поляхъ настлана солома, на которой всѣ и спали. Только для одного командира отряда ставилась палатка. Утромъ по пробитіи повѣстки пили сбитень съ булкой, а по зарѣ, которую играли всѣ хоры музыкантовъ, двигались далѣе. За Краснымъ кабачкомъ вплоть до Петергофа были великолѣпныя дачи, принадлежащія аристократіи. Для проходившаго отряда обыкновенно были выставлены около дачъ ведра съ водой, пирожки и булки. Живущіе въ дачахъ стояли у своихъ воротъ, а прислуга ихъ ждала, какъ маленькіе кадеты въ поту маршировали. Было чему ахать: идти въ строю, гдѣ за пылью не видать было впереди идущихъ. Политая дорога моментально высыхала. Это было въ іюнь мѣсяцѣ, а вспотѣть было отчего, обмундировка каждаго кадета была: суконный мундиръ, тесакъ съ португеей, сума съ португеей. Это надѣвалось на груди крестомъ, сума и тесакъ сзади, что было по ногамъ; каска съ султаномъ отъ жары прокаливалась. Ружья отъ 10 до 12 ф., смотря по возрасту. Вступая въ лагерь, обыкновенно Государь встрѣчалъ кадетъ верхомъ, а Императрица въ коляскѣ четверней съ жокеями. Пройдя мимо Государя церемоніальнымъ маршемъ, кадетъ распускали. Вода вся въ лагерѣ была заперта, и всѣ знали, что ея ранѣе часу времени не дадутъ, жажда была невыносимая. Съ лица, если проведешь ногтемъ, сыпятся комки грязи. Всѣ приунывши сидятъ въ палаткахъ по кроватямъ. Вотъ отперли воду, и все ожило. Впереди не обычные Петербургскіе порядки, а измѣненіе стола; даже изморъ фронтowego ученья съ вытягиваніемъ носка въ три приема и заряжаніемъ ружья на двѣнадцать темповъ кажутся сладостями. Каждый кадета знаетъ, что начальство тутъ осторожно, и драть по прихоти побоятся, пожалуй, еще кадеты пожалуются прямо Государю. Почти ежедневно пріѣзжалъ Государь, дѣлались тревоги; въ воскресенье отъ каждаго корпуса назначался взводъ въ церковь (на языкѣ кадета въ зеленчакъ, такъ какъ церковь была устроена въ зеленой палаткѣ); по окончаніи обѣдни про-

ходили церемоніальнымъ маршемъ. Вечеромъ же къ 6 часамъ по нѣскольکو человекъ, больше маленькихъ, отправляли съ двумя офицерами отъ каждыя корпуса въ Александрію. При входѣ у воротъ былъ столъ и скамейка, тутъ оставались сидѣть офицеры, далѣе они не имѣли права ходить, и кадеты одни гуляли, подходили къ Дворцу. Императрица, увидавъ кадетъ, высылала множество подносовъ со сладостями и фруктами. Тутъ обыкновенно изъ-за спины камеръ-тютки, такъ называли кадеты придворныхъ лакеевъ, вывертывался какой-нибудь малышъ, подавалъ ногой подносъ, все летѣло въ стороны и расхватывалось. Императрица всегда смѣялась этой ловкости, такъ какъ лакеи по опыту были осторожны, осматривались и увертывались. Потомъ выходилъ Государь, игралъ съ кадетами въ лапту, заставлялъ стоя на лужайкѣ свалить его; не мало бились за этимъ кадеты, но количество брало свое, Государя валили, и тутъ кто держалъ его за руки, кто за ноги. Раздавалась его команда: „смирно!“ и всѣ моментально выстраивались. Приѣхавъ разъ въ лагерь въ коляскѣ, которую обычно обступили кадеты, (тутъ начальство подходитъ близко не смѣло), Государь между прочимъ спросилъ: ну хорошо ли васъ кормятъ? Кадеты 2-го корпуса стали высчитывать тѣ блюда, которыя имъ даютъ, и говорятъ, что они вѣчно голодны.—Кто у васъ экономъ? спросилъ Государь; кадеты отвѣтили Ш. Да вы бы его въ нуж... головой. Нѣскольکو кадетъ отдѣлилось и побѣжали, вытащили Ш. и понесли въ мѣсто, указанное Государемъ. Въ точности бы и исполнили распоряженіе Государя, если бы не подоспѣло начальство. Ш. былъ тотчасъ же уволенъ.

Во время лагерей въ Петергофѣ устраивался бѣгъ кадетъ на Золотую Горку; горка эта мраморная, отъ постояннаго теченія по ней воды скользкая, крутая. По этой горѣ по спущенной по ней водѣ надо было вбѣжать на самый верхъ, гдѣ сидѣла Императрица. Кадеты падали, мокрые. Находились ловкачи, которые достигали до верху, и первый, вступившій наверхъ, получалъ отъ Императрицы часы. При этомъ была вся Царская фамилія и приближенные. Зимой Императоръ, объѣзжая обычно всѣ корпуса, приѣзжалъ и во 2-ой корпусъ, заходилъ въ неранжированную роту, къ малолѣтнимъ, гдѣ, зная, что у нихъ есть игра въ пожарные, заставлялъ одѣваться въ пожарную форму (нами сдѣланная изъ картона), надѣвалъ на себя каску и, изображая изъ себя брантмейстера съ брандспойтомъ въ рукѣ, скакалъ по залѣ, и однажды свалилъ люстру, задѣвъ головой.

Однажды Императоръ, проѣзжая по набережной Невы, замѣтилъ, что какой-то молодой человѣкъ на рысакѣ обгонялъ его. Онъ крикнулъ ему: „назадъ“, но тотъ его не послушалъ и обогналъ. Государь приказалъ узнать, кто его обогналъ, говорятъ, что это сынъ Громова. „Такъ забрить ему лобъ въ солдаты“, это былъ сынъ Федула Григорьевича Громова Василій. Тутъ начались у Громовыхъ горя и хлопоты, старикъ предлагалъ громадныя суммы въ пожертвованіе, и едва упросили Государя простить.

Проѣзжая по одной улицѣ, Государь увидѣлъ карету въ четыре лошади цугомъ (тогда эта мода уже выводилась). Это его заинтересовало. Видя, что карета остановилась, онъ послалъ спросить, чей это экипажъ. Ему отвѣтили, что эта карета генеральши такой-то. Государь зналъ по фамиліямъ всѣхъ генераловъ, въ числѣ которыхъ не было такой фамиліи.

Приказалъ спросить вторично и узналъ, что это была жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Тогда онъ приказалъ передать ей, чтобы она не смѣла себя именовать генеральшей. Генералами могутъ быть только военные, а она жена чиновника, который значится дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Императоръ Александръ II ежегодно лѣтомъ жилъ въ Царскомъ Селѣ въ Большомъ дворцѣ. Обычная его прогулка была кругомъ большого пруда съ черной съ коричневыми подпалинками собакой Милордкой. Вдовствующая Императрица Александра Феодоровна лѣтомъ жила въ Петергофѣ въ Александріи, но проживала понедолгу въ Царскомъ въ Александровскомъ Дворцѣ. Царское Село, его сады, пруды содержались въ изумительной чистотѣ и порядкѣ. Въ то время всѣ жители Царскаго пользовались отъ двора всевозможной провизіей; продавалось это безъ всякой опаски, да и опасаться-то было нечего, повара получали отъ поставщиковъ по той цѣнѣ, по которой покупалось для двора, а потому они имѣли возможность все-таки дешевле продавать, чѣмъ въ лавкахъ, отчасти въ продажу шло то, что забраковано. Пиво, медъ прямо приносились корзинами поставщиками съ пивоваренныхъ заводовъ, что было выгодно для заводчиковъ, такъ какъ брали большимъ количествомъ, а для обывателя было выгодно такъ покупать, потому что въ лавкахъ продавалось все дороже. Вино же служителя приносили то, что было раскупорено для стола и не выпито. Попадало хорошее вино и не дорого. Большинство же было слитое изъ разныхъ бутылокъ, оставшихся отъ обѣдовъ, такъ что въ одной бутылкѣ бывало: хересъ, мадера и портвейнъ. Не распечатан-

ныя же бутылки вина продавались едва-ли не дороже ихъ стоимости. Знатоковъ покупателей было мало; всѣ были убѣждены, что купленное хорошо и дешево, такъ какъ во дворцѣ дурное не подается. Всѣ были довольны и благословляли житье Высочайшаго двора, прїѣзду котораго были безконечно рады. Полагаю, что Цари объ этомъ многое знали. О чемъ свидѣтельствуется такой случай: Императрица Екатерина II, гуляя, встрѣтилась съ крестьянкой, шедшей по направленію отъ кухни. Увидавъ Царицу, крестьянка растерялась и выпустила изъ рукъ курицу, которую несла. Императрица, увидавъ ужасъ этой бабы, крикнула ей: „лови скорѣй курицу, а то гофмаршалъ еще пожалуй увидитъ“.

Когда Императоръ Александръ II гулялъ, въ это время гуляла вся аристократія, конечно, дамы. Въ это время мужья ихъ или отцы были заняты службой. Вотъ идетъ Римская-Корсакова, вотъ Гогель съ дочерьми. Это жена управляющаго Царскимъ Селомъ. Вотъ Красикова съ двумя дочерьми, это жена Царскосельскаго полицеймейстера. Вотъ и Кушелева-Безбородко съ красивымъ лакеемъ, несущимъ собачку. Вотъ и Долгорукій съ двумя дочерьми. Всѣ стараются поцастъ на глаза Государю. Съ которыми онъ поговорить, кому только поклонится. Вечеромъ ежедневно полковая музыка на террасѣ. Государь съ Государыней въ шарабанѣ проѣзжаютъ мимо музыки въ Павловскъ. Здѣсь за рѣчкой у мостика множество экипажей ожидаетъ прїѣзда. Иногда Цари подѣзжали къ оркестру и останавливались ненадолго. Тутъ подходила къ нимъ Александра Ѳеодоровна, подъ этимъ именемъ знали всѣ особу довольно пожилую, одѣтую во все черное, въ шапочкѣ съ брильянтовымъ крестомъ на лбу. Разговаривала она довольно непринужденно. Это было въ началѣ царствованія Александра II. Императоръ же Николай I очень любилъ съ ней разговаривать, и несмотря на то, что онъ не любилъ фамильярностей, Александра Ѳеодоровна облакачивалась на шарабанъ, ставила одну ногу на подножку. Говорили, что она ему много высказывала правды. Слухи были, что она была раньше близка ко двору, и будто къ Великому Князю Михаилу Павловичу. Достоверно, что она не разъ во время разговора громко говорила, указывая на тутъ же стоящихъ приближенныхъ: „гони ихъ прочь. Это все продажные да и дураки они, самъ ты ихъ отличилъ, давъ имъ свѣтлыя шапки“. Приближенные смѣялись, находя ее юродивой, но Государь видимо въ ней этого не признавалъ. Въ 40 годахъ въ Петербургѣ ѣздила съ ручной телѣжкой красивая молодая

голландка. На этой телѣжкѣ устроена была печка и вдѣланъ горшокъ съ тѣстомъ. Голландка останавливалась, пекла вафли желающимъ, которые тутъ же и кушали. Богатая молодежь за ней сильно ухаживала, и за вафли расплачивалась десятками, а иногда и сотнями рублей. За это голландка награждала милыми улыбками. Однимъ словомъ, голландка за свою красоту была въ модѣ. Дошло это и до Государя. Гуляя какъ-то и встрѣтивъ ее, онъ тоже покушалъ вафель, и очень она ему понравилась. Въ слѣдующій разъ она какъ-то сумѣла выпросить у Государя клочекъ земли на Большой Морской улицѣ. Это то мѣсто, гдѣ въ настоящее время стоитъ Реформатская церковь. На этомъ мѣстѣ она построила домикъ, въ которомъ былъ залъ съ ложами наверху, въ которыхъ были столы, кресла, кушетки, внизу помѣщалась кухня. Это были танцевальныя вечера, на эти вечера допускались только лично извѣстные голландкѣ, т.-е. М-ше Гебгардъ. Тутъ собиралась вся золотая молодежь: не рѣдко можно было знать, что тутъ присутствуютъ и министры; видѣть ихъ конечно нельзя было: они прятались за занавѣсами со своими барынями, а входили особымъ секретнымъ входомъ. Ложи эти оплачивались за право ихъ занять сотнями рублей; какъ внизу въ столовой, такъ и въ ложахъ устраивались ужины, для чего имѣлся отличный поваръ, музыка, тоже хорошій оркестръ. Начинались ужины съ десяти часовъ до шести утра. Шампанское лилось рѣкой. М-ше Гебгардъ появлялась только изрѣдка въ залѣ, гдѣ шли танцы, или когда она приглашалась въ ложи. Всѣмъ распорядился ея мужъ; сама же Гебгардъ больше занималась устройствомъ свиданій и знакомствомъ барышень, приглянувшихся кому-либо изъ молодежи. Я довольно часто въ концѣ 50 и началѣ 60 годовъ видѣлъ, какъ привозились барышни даже изъ очень хорошихъ фамилій, и какъ одна барышня поднесла Гебгардъ хлѣбную корзину, наполненную золотыми монетами. Впослѣдствіи эта Гебгардъ открыла Зоологическій садъ, а по смерти мужа, будучи уже старухой, вышла за второго—Роста.

Въ Царскомъ Селѣ съ 1818 года по 1865 г. былъ управляющимъ городомъ, дворцами и удѣльными крестьянами артиллерійскій генералъ Яковъ Васильевичъ Захаржевскій; малоросецъ, холостой, умный, добрый и честный. О его привычкахъ жизни ничего не сохранилось даже въ архивахъ Царскаго Села. Я, какъ бывший у него еще въ дѣтствѣ, многое что припоминаю. Росту онъ былъ средняго, носилъ только усы, которые подстригалъ, жилъ съ сестрой Анной Васильевной, другая его сестра

Елена Васильевна была замужемъ за отставнымъ генераломъ Чулковымъ, у которой было нѣсколько дочерей. Они жили на углу Средней и Оранжевой ул. въ домѣ Терещевыхъ, несмотря на то, что, при имѣющейся казенной квартирѣ, у Захаржевскаго былъ не занятый флигель, по величинѣ болѣе чѣмъ достаточный для помѣщенія Чулковыхъ.

Кто-то разъ у него спросилъ, почему бы не дать этотъ флигель сестрѣ; онъ вамъ не нуженъ. На это Я. В. отвѣтилъ: квартира, которая мнѣ дается, дана не Захаржевскому, а управляющему городомъ; какое право я имѣю пускать въ казенное зданіе постороннихъ.—Да вамъ бы никто про это слова бы не сказалъ, даже если бы Государь узналъ, то, любя васъ, нашелъ бы это въ порядкѣ вещей.—Не знаю, какія бѣ поблажки сдѣлалъ мнѣ Государь, а знаю, что эту квартиру онъ не далъ Чулкову. Жизнь Яковъ Васильевичъ велъ самую простую. Вставалъ въ 6 час., пилъ чай, всегда съ молокомъ, а въ 7 час. уже ѣхалъ верхомъ по городу и садамъ, осматривалъ работы на фермѣ, какъ сортируютъ молоко. Къ 9 час. пріѣзжалъ въ дворцовое правленіе, больше въ свою канцелярію, которая была на Леонтьевской ул. въ домѣ, гдѣ теперь Маринская женск. гимназія. Канцелярія эта, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, упразднена. Въ 12 час. онъ пріѣзжалъ завтракать домой. На завтракъ подавалась ежедневно гречневая каша; послѣ чего онъ отдыхалъ, въ 4 час. обѣдалъ, самыя простыя три блюда; послѣ обѣда опять отправлялся смотрѣть за порядками, и только въ 7 ч. веч. можно было видѣть гуляющаго. Онъ былъ безъ правой ноги; ему былъ поддѣланъ костыль, а потому онъ всегда опирался на палку. Лѣтъ за десять до смерти онъ пересталъ ѣздить верхомъ. Лѣтомъ же ѣздилъ въ широкихъ дрожкахъ на круглыхъ рессорахъ; таковыя тогда только и были; зимой же въ низкихъ пошевняхъ. Порядокъ и чистота при немъ были изумительныя. Однажды въ саду онъ увидѣлъ, что Наслѣдникъ ѣдетъ по той дорожкѣ, которая предназначена для пѣшеходовъ. Онъ подѣхалъ туда, всталъ съ дрожекъ и загородилъ дорогу палкой, и доложилъ Наслѣднику: Ваше Высочество, потрудитесь вернуться назадъ, эта дорога для пѣшеходовъ.—Яковъ Васильевичъ, вы знаете, кто я.—Знаю, отвѣтилъ Захаржевскій—Вы тотъ, который долженъ служить примѣромъ, а не дѣлать безпорядки. Наслѣдникъ, а впослѣдствіи Императоръ Александръ II переконфузившись поѣхалъ обратно. До воцаренія своего Александръ II не любилъ Захаржевскаго. По воцареніи же своемъ, въ первый же пріѣздъ, посѣтилъ Я. В. и часто потомъ вспо-

миналъ, какъ онъ его выгналъ съ дороги. Объяжая Александровскій садъ, Захаржевскій увидѣлъ, что какія-то дамы, гуляя, кушаютъ апельсины и корки бросаютъ на дорожку. Онъ всталъ съ дрожекъ, подошелъ къ нимъ и говоритъ: здѣсь убираютъ, заботятся о чистотѣ, а вы сорите. Потрудитесь возвратиться подобрать корки. Дамы переконфузились, но онъ настойчиво потребовалъ, чтобы онѣ подобрали. Онѣ видятъ, что онъ дожидается, вернулись и подобрали. Оказалось, что дамы эти были дежурныя фрейлины. Приѣхавъ въ деревню въ село Кузьмино, онъ увидѣлъ на улицахъ соръ и всякую нечистоту, онъ приказалъ позвать старость; когда они собрались, накричалъ на нихъ за безпорядки и велѣлъ подбирать соръ. Тѣ съ особымъ усердіемъ стали собирать съ улицъ соръ и нечистоты къ себѣ въ полы кафтановъ. Каждый старался собрать больше, онъ приказалъ сосчитать, у кого сколько набрано, и столько же дать розгъ. Затѣмъ онъ приказалъ: у кого набрано было больше, значитъ, ты видѣлъ большій безпорядокъ, и ничего не убиралъ, ну, и отвѣчай больше.

У пруда, гдѣ стоятъ лодки, около Голландіи онъ приказалъ выстроить голубятню, помѣстивъ лучшихъ породъ голубей. Приѣзжая сюда почти ежедневно, навязавъ на свою палку платокъ, онъ гонялъ голубей, подсвистывая. За этимъ занятіемъ очень часто заставалъ Якова Васильевича Царь, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, и онъ тутъ рассказывалъ о породахъ голубей.

Захаржевскій, при подвижности своей натуры, не могъ долго сидѣть, а тѣмъ болѣе стоять на одномъ мѣстѣ. У него тогда и разбалывалась отнятая нога. Даже на выходахъ Высочайшихъ во Дворцѣ онъ не останавливался. Зная его привычку, нарочно становился кто-нибудь около него, и, замѣтивъ его увлеченіе, тотчасъ заговаривалъ съ нимъ. Говѣлъ онъ всегда въ Знаменской церкви и во все время службы переходилъ съ одного мѣста на другое, позабывшись и посвистывалъ. Одинъ разъ служившій священникъ Гавріилъ Одоевскій, замѣтивъ это, во время богослуженія, обратился къ нему и сказалъ: „здѣсь церковь, прошу быть съ должнымъ уваженіемъ къ святости, и если угодно посвистывать, то потрудитесь выйти вонъ“.—Виновать, батюшка, позабылся, отвѣтилъ Я. В., впередъ постараюсь этого не дѣлать.

Выходя изъ церкви, онъ обратился къ ктитору Сазонову и сказалъ: „это не пощъ, а священникъ, его слѣдуетъ уважать“.

Знаменская церковь считается придворной и во многомъ подчинена управляющему дворцами.

Приѣхавъ на Пасхальной недѣлѣ, къ концу обѣдни въ соборную церковь, Яковъ Васильевичъ сталъ подходить, чтобы приложиться ко Кресту. Увидавъ его, священникъ сталъ расталкивать прикладывающійся народъ и пошелъ навстрѣчу Захаржевскому. Увидавъ это, Захаржевскій свернулъ въ сторону къ аналою, гдѣ лежалъ также Крестъ, приложился и стороной пошелъ къ выходу, гдѣ и остановился; дождавшись ухода священника, подошелъ къ его благословенію и сказалъ: „батюшка, много было пожалуй менѣе меня грѣшнаго, которыхъ слѣдовало предпочесть, да и недостойнъ я, чтобы изображеніе Спасителя несли ко мнѣ навстрѣчу; самъ я подойду къ нему и земно поклонюсь“.

Кто-либо изъ придворныхъ служителей, желающій жениться, обязанъ былъ испрашивать разрѣшенія у своего начальства. Лакей, одинъ изъ такихъ просителей, придя къ Захаржевскому, изложилъ свое желаніе жениться. Яковъ Васильевичъ обрушился на него:—ты видно дуракъ и бездѣльникъ; на что ты будешь содержать семью; тебѣ самому жизнь впроголодь, да и откуда у тебя возьметса время заниматься съ женой: ты видишь, у меня нѣтъ на это время. Я и не женюсь; исполняй службу какъ слѣдуетъ, такъ на эти пустяки времени не хватитъ. Пошелъ вонъ; нѣтъ тебѣ разрѣшенія. Разобиженный уходилъ. Яковъ Васильевичъ, походивъ, посвиставъ, приказывалъ просителя вернуть. Проситель этотъ, какъ и всѣ другіе, знали обычай Якова Васильевича, что онъ вернетъ, а потому отправлялись ожидать въ его же кучерскую. Яковъ Васильевичъ снова кричалъ на просителя, а тотъ, предвидя благопріятный исходъ, говорилъ: невозможно, Ваше Превосходительство, намъ жить безъ бабы; кто же мнѣ щи сварить, кто обстираетъ меня?—Ну, хорошо, женись; но ничего не смѣй просить на свою бѣдность. На свадьбу Яковъ Васильевичъ все-таки кое-что выдавалъ. На другой день молодые приходили къ Якову Васильевичу, принеся конфеты въ корзиночкѣ (тогда въ коробкахъ конфетъ не было). Онъ выходилъ, поздравлялъ молодыхъ, и если молодая была не дурна, то говорилъ: вишь какую красивую взялъ, и тутъ же давалъ 25 руб. Всѣмъ женившимся служителямъ давалось за конфеты 25 р. изъ его личныхъ средствъ.

У Якова Васильевича были молодая племянница Чулковы. Для нихъ раза три въ годъ онъ устраивалъ балы; а зимой на масляницѣ пикники съ поѣздкой въ Славянку, гдѣ бывали обычными танцы и ужинъ. Это устраивалось такимъ образомъ:

на роспуски были поставлены лодки, выложенныя коврами и запряженныя тройками и четверками; впереди ѣхалъ оркестръ музыки: дамы и болѣе солидные мужчины сидѣли въ лодкахъ, а молодежь ѣхала на маленькихъ простыхъ саночкахъ, привязанныхъ другъ къ другу и къ лодкамъ. На поворотахъ старались покруче завернуть, и всѣ сидѣвшіе въ дровешкахъ падали въ сугробы снѣга. Большинство было гусары и кирасиры. Яковъ Васильевичъ на этихъ пикникахъ никогда не бывалъ.

Жившая у Якова Васильевича его сестра Анна Васильевна любила очень поиграть въ карты, почему и имѣла для этого свой кружокъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ главную роль игралъ полицеймейстеръ Цыловъ. Анна Васильевна играла очень несчастливо и потому всегда нуждалась въ деньгахъ. Просить же у брата она не смѣла, зная, что онъ все получаемое имъ раздавалъ и лишнихъ денегъ не имѣлъ, а поиграть ей хотѣлось. Въ одинъ изъ вечеровъ она проиграла Цылову корову. Яковъ Васильевичъ увидалъ, что съ его двора ведутъ корову, онъ спросилъ, куда ведутъ? Отвѣтили, къ полицеймейстеру. Здѣсь онъ узналъ, что корова проиграна, и спросилъ сестру, сколько она проиграла. Затѣмъ послалъ деньги, а корову приказалъ вернуть. Послѣ этого событія онъ никогда болѣе Цылова не принималъ, и съ рапортомъ къ нему ходилъ приставъ. Вскорѣ изъ полицеймейстеровъ Цыловъ былъ отчисленъ.

Яковъ Васильевичъ по добротѣ своей былъ рѣдкій начальникъ и человѣкъ. Въ Царскомъ жили двѣ пожилыя дѣвицы, дочери умершаго правленскаго чиновника Тенишны, получавшія пенсіи 3 р. въ мѣсяцъ и имѣвшія ветхій домъ. Яковъ Васильевичъ нерѣдко присылалъ мастеровъ производить кое-какія починки, чтобы онѣ могли жить въ этомъ домѣ, и ежегодно выплачивалъ изъ своихъ средствъ за поставленныя имъ для дома дрова.

Привязанностей къ женщинамъ у Якова Васильевича, видимо, не было, но слухъ ходилъ, что хорошенькая дочь его кучера Наташа часто хаживала къ нему; но она почти нигдѣ не показывалась и одѣвалась очень бѣдненько, впоследствии вышла замужъ, все приданое и тысячу рублей далъ Яковъ Васильевичъ.

Правдивый, умный и честный Яковъ Васильевичъ былъ любимъ Царями, имѣлъ всевозможные русскіе и иностранные ордена, чинъ генерала-отъ-артиллеріи; его любили и боготворили всѣ жители Царскаго Села. Послѣ смерти онъ похороненъ въ

Царскосельскомъ Екатерининскомъ соборѣ съ правой стороны; наслѣдства послѣ себя онъ оставилъ, вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ хуторомъ, сорокъ тысячъ; люди, служившіе послѣ него на мѣстахъ съ меньшею властью и значеніемъ, наживали милліонное состояніе.

Сообщилъ А. П. Нѣловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

